

LITERATURE OF THE EAST
Languages of the peoples of the World /
Russian language. Languages of the peoples of the Russia
ФИЛОЛОГИЯ ВОСТОКА
Языки народов мира /
Русский язык. Языки народов России

Научная статья

Филологические науки

УДК 81'374+(038)[=161=161.1;=161=112.2]

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-2-387-410>

Как беседовать с врагом: военные разговорники
литератора О. И. Сенковского (1828)
и генерал-лейтенанта Н. Н. Биязи (1941). Часть 2¹

Николай Игоревич Сериков

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

nikolajserikoff@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2760-6312>

Аннотация. В статье 1 сравниваются два военных разговорника – «Карманная книга для русских воинов в Турецких походах» (СПб., 1828) литератора-ориенталиста Осипа Ивановича Сенковского (1800–1858) и «Краткий русско-немецкий военный разговорник для бойца и младшего командира» (М., 1941) Николая Николаевича Биязи (1893–1973). Автор обосновывает тезис о том, что эти произведения не могут быть отнесены к жанру классических разговорников, так как сочинения, написанные в этом жанре, было трудно или невозможно использовать на поле боя. Проведенное исследование показывает, что «Разговорники» Сенковского и Биязи были задуманы как самоучители турецкого и немецкого разговорных языков и рассчитаны на самую широкую аудиторию пользователей-неспециалистов. Во второй части специальное внимание уделено анализу механизмов, предложенных Сенковским и Биязи для самостоятельного усвоения языка военнослужащими.

Ключевые слова: Турция, Османская Империя, язык, фонетика; Турция, Османская Империя, язык, морфология; Турция, Османская Империя, язык, синтаксис; Германия, язык, фонетика; Германия, язык морфология; Германия, язык синтаксис; Россия язык, фонетика; Россия язык, морфология; Россия язык, синтаксис;

¹ Продолжение. Начало см.: Сериков Н. И. Как беседовать с врагом: военные разговорники литератора О. И. Сенковского (1828) и генерал-лейтенанта Н. Н. Биязи (1941). Часть 1. *Ориенталистика*. 2022;5(2):387–410. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-2-387-410>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Сериков Н. И., 2022

© Ориенталистика, 2022

Болгария, язык, фонетика; Болгария, язык, морфология; Болгария, язык, синтаксис; Греция язык фонетика; Греция язык, разговорный, морфология; Греция язык, разговорный, синтаксис; Империя, Российская, Империя, Османская, войны 1828–1856; СССР, Германия (Третий Рейх) войны, 1941–1945; «Карманная книга для русских воинов в Турецких походах», СПб., 1828; «Краткий русско-немецкий военный разговорник для бойца и младшего командира» Москва, 1941; Сенковский, Осип Иванович (1800–1858); Биязи, Николай Николаевич (1893–1973), Сериков, Игорь Николаевич (1925–2002).

Для цитирования: Сериков Н. И. Как беседовать с врагом: военные разговорники литератора О. И. Сенковского (1828) и генерал-лейтенанта Н. Н. Биязи (1941). Часть 2. *Orientalistica*. 2022;5(2):387–410. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-2-387-410>.

Original article
<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-2-387-410>

Philology studies

Talking to the enemy...: the military phrasebooks by the litterateur Osip Senkovskii (1828) and Lieut.-General Nikolai Biasi (1941). Part 2²

Nikolaj I. Serikoff

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
nikolajserikoff@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2760-6312>

Abstract. The article 1 offers a comparison between two military phrasebooks the “Pocket-book for the Russian soldiers on the Turkish frontline” (Karman-naia kniga dlia russkikh voinov v turestkich pokhodakh) [St. Petersburg, 1828] by Osip Ivanovich Senkovskii (1800–1858) and the “The The Concise Russian-German military phrasebook for a private soldier and subaltern” (Kratkii russko-nemetskii razgovornik dlia boitsa i mladshogo komandira) [Moscow, 1941] by Lieut.-Gen. Nikolai Nikolaevich Biiazi (1893–1973). The author argues that these types of scholarly and literary production cannot be considered as ‘phrasebooks’ par excellence, since such reference books could be hardly used on the battlefield. The research makes it evident that these “phrasebooks” were designed as “teach yourself” manuals of colloquial Turkish and German and adapted to the needs of a non-specialist audience. In the second part special

² Continued. Start see: Serikoff N. I. Talking to an enemy...: the military phrasebooks by the litterateur Osip Senkovskii (1828) and Lieut.-General Nikolai Biasi (1941). Part 1. *Orientalistica*. 2022;5(1):157–172. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-1-157-172>.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

attention is paid to the analysis of the “built-in” mechanisms as designed by Senkovskii and Biiazi, which enabled prompt language learning by the military audience.

Keywords: Ottoman Turkish, language of, phonetics; Ottoman Turkish, language of, morphology; Ottoman Turkish, language of, syntax; Germany, language of, phonetics; Germany, language of, morphology; Germany, language of, syntax; Russia, language of, phonetics; Russia, language of, morphology; Russia, language of, syntax; Bulgaria, language of, phonetics; Bulgaria, language of, morphology; Bulgaria, language of, syntax; Greek, colloquial, phonetics; Greek, colloquial, morphology; Greek, colloquial, syntax; Empire, Russian, Empire, Ottoman, wars 1828–1856; USSR, Germany (Third Reich) wars 1939–1945; “Karmannaya kniga dlia russkikh voinov v turestkikh pokhodakh” [St. Petersburg, 1828]; “Kratkii russko-nemetskii razgovornik dlia boitsa I mladshego komandira” [Moscow, 1941]; Senkovskii, Osip Ivanovich (1800–1858); Biiazi, Nikolai Nikolaevich (1893–1973), Serikov, Igor Nikolaevich (1925–2002).

For citation: Serikoff N. I. Talking to an enemy...: the military phrasebooks of the litterateur Osip Senkovskii (1828) and Lieut.-General Nikolai Biiazi (1941). Part 2. *Orientalistica*. 2022;5(2):387–410. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-2-387-410>.

4. «Карманная книга» Сенковского и «Краткий русско-немецкий военный разговорник для бойца и младшего командира» Биязи и заложенная в них методика самостоятельного изучения языков

4.1. «Карманная книга» Сенковского

О том, как учили язык те, для кого предназначался разговорник Сенковского, прямых свидетельств не сохранилось. Поэтому новейший исследователь этого вопроса вынужден полагаться, главным образом, на косвенные данные. Последние, впрочем, достаточно красноречивы и их хватает, чтобы составить себе удовлетворительное представление о том, кто и с каким успехом мог использовать «Карманную книгу» для самостоятельного изучения турецко-османского языка.

Живший в первой половине XIX в. и вознамерившийся самостоятельно изучить турецко-османский язык русский человек был вынужден иметь дело, по крайней мере, с несколькими неизвестными: туземной турецко-османской (арабской) графикой, фонетикой, морфологией, синтаксисом, а также отсутствием русского описания этого иностранного языка. В силу отсутствия необходимых дидактических пособий, равно как и культурной традиции академического изучения Востока для русского (даже образованного) читателя начала XIX в., совокупность этих «неизвестных» представляла собой препятствие непреодолимое.

С появлением «Карманной книги» Сенковского положение это оказывалось если не полностью, то существенно исправленным. Конечно, адресатом «Карманной книги» могла быть только грамотная публика. Как можно понять из предисловия, это были те, кто говорил, по меньшей мере, на двух европейских языках – немецком и французском, учился русской грамматике, т.е. почти исключительно офицеры. Это подтверждает и рецензент «Карманной

книги», ученик Сенковского – В. В. Григорьев (1816–1881). В числе тех, для кого писалась книга, он упоминал «колонновожатых». Так в 1820-х гг. назывались младшие офицерские чины, в которые производились молодые люди из приличных семей и с хорошим образованием [1, с. 226]. Перед Сенковским поэтому стояла задача описать турецко-османский язык в общепринятых среди образованной публики 1820-х гг. русских грамматических терминах, а к описаниям присовокупить соответствующие примеры, чтобы получилось пособие вроде популярной с середины позапрошлого века *Konversationsgrammatik*, составленной по методу Gaspey–Otto–Sauer [2, с. 30].

4.1.1 «Карманная книга» Сенковского и человеческая память как традиционный инструмент для изучения иностранных языков на Востоке

Композиция «Карманной книги» ясно показывает, что основным подспорьем в изучении турецко-османского языка, которое Сенковский мог предложить «военным людям», вознамерившимся познать «в известной степени, язык той страны, в которой они защищают честь и права своего отечества» [3, ч. 1, с. 1] было «выучить на память» [3, ч. 1, с. 27] предложенные «российско-турецкие разговоры» и «ежедневно» «употреблять их на месте».

В данном контексте слово «выучить» заслуживает того, чтобы на нем остановиться подробнее. На мусульманском Востоке, где Сенковский прожил несколько лет, под выражением «выучить текст» означало «выучить текст наизусть». В полной мере это относилось и к изучению иностранных языков. Примеров этому множество, здесь сошлемся на один. В распространенном османском арабско-греческо-персидско-сербском разговорнике XVI в. этот метод предложен студенту уже на первой странице: «зазубрить» примеры и повторять зазубренное¹. Тем же методом в бытность свою на Востоке, как видно, пользовался и сам Сенковский: «Ограниченные средства, – говорится в его письме, – повелевали мне узнавать скоро все, что я мог узнать в том краю, и не забывать ничего, однажды приобретенного *памятью* (выделено мною. – Н. С.). С потом чела перетаскивал я свои книги с одной горы на другую – книги были все мое имущество – и рвал свое горло в глуши, сиюсь достигнуть чистого произношения арабского языка, которого звучность в устах Друза и Бедуина, похожая на серебряный голос колокольчика, заключенного в человеческой груди, пленяла мое ухо новостью и приводила в отчаяние своею неподражаемостью. Уединенные ущелия Кесревана, окружая меня колоннадою черных скасов, вторили моим усилиям; я нередко сам принужден был улыбнуться над своим тщеславием лингвиста при виде, как хамелеоны, весело пробегавшие по скалам, останавливались подле меня, раскрывали рот и дивились пронзительности гортанных звуков, которые с таким напряжением добывал я из глубины легких. Возвратясь в конурку, занимаемую

¹ Εἶπεν ὁ ποιητὴς ταύτης τῆς βιβλίου / τῆς λογικῆς τῆς γεγενησμένης, δι' ἧς εὐλαοῦσιν / αἱ γλῶσσαι τῶν ἀρχομένων. Σύνεσον γοῦν / αὐτὸ καὶ πράξον κατ' αὐτὸ καὶ φύλαξον αὐτό, εὐφραδίσεις κατ' αὐτό. Составитель этой книги, используемой для обучения, при помощи которой красноречиво возглаголят языки начинающих изучать искусство говорить чужеземным языком: «возьми сказанное в толк и поступай по нему, вызубри его на память и [тогда] научишься говорить» [4, S. 76. 1d-4d].

в каком-нибудь маронитском монастыре, я так же отчаянно терзал свои силы над сирскими и арабскими рукописями, отысканными в скудной библиотеке грамотного монаха: поспешно описывал любопытнейшие из них, читал наскоро те, которых не успевал списать, делал извлечения, отмечал найденные в них живописнейшие фразы или слышанные идиотизмы разговорного языка и твердил их наизусть (выделено мною. – Н. С.) всю ночь» [5].

Заняв в Петербурге кафедры турецкого и арабского языков, Сенковский очевидно продолжал практиковать этот метод, заставляя своих студентов учить наизусть не только парадигмы склонений и спряжений, но также отрывки из прозаических текстов и пересказывать их. Вот красноречивый отрывок из его письма к акад. Х. Д. Френу (1782–1851), в котором говорится о подготовке к профессорскому званию московского «ориенталиста-неудачника» (по выражению И. Ю. Крачковского) арабиста Н. Г. Коноплева (1800–1855) [6, с. 227]. «Беру на себя смелость, – писал Сенковский, – представить Вашему превосходительству г-на Коноплева, кандидата Московского Университета, с которым я занимаюсь, готовя его на звание профессора восточных языков. В соответствии с распоряжением министра он должен пройти курс до конца текущего года. Он сделал значительные успехи в арабском и других языках, но что касается арабского, то он не владеет разговорным языком, и он, к несчастью, лишен дара элоквенции. Он продолжает заниматься со мной арабским языком и в прошлом году он пересказал под моим руководством 12 макама Харири² и перевел всю грамматику матрана Джирджиса, которую Вы столь любезно дали. В этом году он работал над Хамасой, но продвинулся недалеко. Ему следует прочесть по-арабски довольно много книг, а также и рукописей».

Другое интересное свидетельство интенсивности, а главное – результативности обучения у Сенковского сохранило предание нашей семьи. В молодые годы у него учился петрашевец Н. А. Спешнев (1820–1882). Об этом сохранилось воспоминание моей бабушки, Е. А. Спешневой (1907–1957), приходившейся этому «первому русскому коммунисту» и «демону» [7] беллетриста Достоевского правнучкой. Будучи с молодых лет хорошо знакомым с Сенковским, Н. А. Спешнев до конца жизни пребывал под обаянием личности последнего³. Знакомство было настолько тесным, что Спешнев мог почти запросто зайти к нему, неоднократно был зван обедать⁴. В письме отцу Спешнев называет Сенковского не иначе как «покровитель»⁵. С перерывами на отъезды за границу Спешнев продолжал бывать у Сенковского, где, как

² Имеется в виду Мухаммад ал-Харири (1054–1122), его макамы написаны рифмованной прозой (*саджем*) и содержат редкие слова и выражения.

³ Записано со слов моей матери, А. Л. Ястребицкой (1932–2010).

⁴ Ср. письмо матери Н. А. Спешнева, А. С. Спешневой, его отцу А. Н. Спешневу: «...на будущей почте я пришлю тебе копию Сенковского письма к нему, которое мне сделало большое удовольствие и, надеюсь, и тебе сделает, в котором он приглашал его к себе обедать *en famille*, pour pouvoir causer plus liberalement avec lui, он говорит, т. е. Сенковский, что в этом человеке будет прок, а ты знаешь, что Сенковский умеет разбирать людей, и как он ни занят, но для Николинки нет никогда отказа его видеть» (цит. по: [8, с. 340]).

⁵ *J'ai une grande protection – c'est M-r Senkowsky qui seul signifie tout dans cette faculté* (цит. по: [8, с. 353]).

вспоминала моя бабушка, в 1840-х гг. на него, в частности, произвел неизгладимое впечатление конструируемый Сенковским «оркестрион» – музыкальная машина, или, как бы теперь сказали, синтезатор звуков⁶. Не окончив из-за интриги курса в Царскосельском Лицее и покинув его в 1839 г.,⁷ Спешнев, по совету Сенковского, поступил на Восточный факультет Петербургского университета, где проучился до 1840 г. Закончить факультет, впрочем, ему также не удалось⁸, но на этот раз по причинам весьма романтического свойства⁹.

Занимавшийся со Спешневым восточными языками Сенковский безжалостно заставлял своего ученика зубрить парадигмы спряжений арабского глагола, переводить и комментировать туземную грамматику «Ибн Ферхата»¹⁰ и потом предлагал ему читать, хотя и несложный, но тем не менее неадаптированный оригинальный текст. Картины обучения Спешнева и упоминавшегося выше арабиста Коноплева, как видим, совпадают. Примечательно, что для описания грамматической системы арабов Сенковский выбрал не совсем обычное пособие. В отличие от традиционной на мусульманском Востоке грамматики *ал-Кафийа фи-н-нахв* ученого XIII в. Джамал ад-Дина Абу Амр Усмана, известного как Ибн ал-Хаджиб (1175–1249) [11, I, S. 303, № 8, I; SB I. S. 53; 12, с. 22–23], он сориентировал своих студентов на грамматику «Ибн Ферхата», т. е. Джармануса Джибрилла (Германа Гавриила) Фархата (1670–1732) [13, с. 136–137] *Бахс ал-маталиб ва-хас ал-талиб*¹¹. Преимущества этой грамматики для европейского студента были очевидны: написанная по-арабски, она принадлежала перу не мусульманина, но христианина маронита, поборника чистоты арабского языка и, что важно, основывавшего свое описание арабского языка, в частности, на европейской грамматической традиции [14, с. 145] при этом не выпуская из вида традицию мусульманскую. Таким образом, для своих студентов Сенковский сознательно избрал грамматику, в которой восточный язык помещен в европейский грамматический контекст. Впрочем, отнести эту заслугу целиком на счет Сенковского, по всей видимости, нельзя: скорее всего грамматика Фархата была рекомендована Сенковскому в бытность его

⁶ «Увлекшись музыкой, он занялся изобретением новых инструментов: придумал скрипку о пяти струнах, а с 1842 по 1849 г. строил свой «оркестрион» – инструмент, который мог бы заменить собою оркестр. Он нанял и поместил на своей квартире известного фортепианного мастера, его помощника и четырех рабочих, – и после нескольких лет переделок и огромных издержек составил огромный (в два этажа) «синтетический» механизм, сочетавший духовые и струнные инструменты, со сложной клавиатурой, смычками и несколькими педалями. «Оркестрион» получился – но никто на нем не смог играть (кроме жены, исполнявшей две-три вещи). Потом изобретатель нашел в своем детище какие-то недостатки, хотел исправить, разобрал – и больше не стал собирать снова...» (цит. по: [9, с. 3–22]).

⁷ Подробно: [8, с. 36–56].

⁸ Подробно: [8, 37–78].

⁹ Причиной тому послужила любовная связь с женой товарища, А. Ф. Савельевой (Цехановской), что в корне изменило его жизнь. [10, с. 131].

¹⁰ Транскрипция имени собственного взята из труда Л. И. Сараскиной [8, с. 74].

¹¹ О грамматике и ее особенностях см.: [12, с. 54, прим. 2; 14].

на Ливане его учителем, «незабвенным наставником» [13, с. 335] ученым «монахом Антуном Арыдой». Последний, будучи в определенный период своей жизни профессором арабского языка в Вене, имел богатый опыт его преподавания европейцам и определенно использовал это уникальное пособие. Изданная на Мальте в 1836 г. грамматика Фархата, насколько мне известно, к 1840-х гг. еще не была куплена ни для одной из петербургских библиотек, но имелась в собрании рукописей Азиатского музея.

О результатах своего обучения Спешнев упоминает, в частности, в одном из писем к матери: «Начинаю бегло читать по-арабски и выучился спрягать глаголы»¹². Метод преподавания Сенковского очевидно прижился в стенах С.-Петербургского университета. По воспоминаниям старших коллег, его с успехом применяли еще в 1940–1950-х гг.¹³

Оценивая приведенные выше мемуарные свидетельства о методике преподавания Сенковского, можно сказать, что, несомненно, она была весьма эффективна. Так, после года обучения у Сенковского его студент, по крайней мере, знал наизусть достаточно объемную грамматику Джармануса Джибриила Фархата¹⁴ и мог пересказывать макамы ал-Харири, текст далеко не самый простой. Уровень эффективности преподавания становится еще более наглядным, если учесть, что «Макамы» ал-Харири читают только на втором или даже третьем курсах нынешних университетов.

4.1.2 «Карманная книга» Сенковского и ее русские читатели. Адаптация методики изучения восточного языка

Метод изучения восточного языка, основанный на «зазубривании» текста, Сенковский с очевидным знанием дела рекомендовал и русским читателям своей «Карманной Книги»: «лучшим учителем... сего наречия... будет... ежедневное на месте употребление» [3, ч. 1, 3]. При этом он не мог не осознавать, что заучивание текстов наизусть, в отличие от традиций восточного образования, не было принято в русском. Поэтому даже сравнительно небольшой текст (объемом всего в 84 страницы) среднему воспитаннику русской школы одолеть было не всегда под силу. Использование туземной турецкой грамматики только запутывало дело. Ислам, религия Османской империи, способствовал проникновению арабского языка буквально повсюду, и грамматика, естественно, не явилась исключением – без основательного знания арабского языка нельзя было правильно читать и писать по-османски. К тому же тюркские народы не создали своей лингвистической традиции [15, с. 14–15]. Поэтому при описании турецко-османского языка туземные грамматисты использовали арабскую грамматическую традицию [16], употребляя арабскую терминологию для описания сходных (но далеко не

¹² Письмо от 4 августа 1839 г. (цит. по: [8, с. 355], ср.: [10, с. 130]).

¹³ Об этом вспоминал мой старший коллега по Институту востоковедения, С. Б. Певзнер (1924–2016). Студенты-первокурсники, по распоряжению И. Ю. Крачковского, должны были выучить спряжение всех пород в течение одной – максимум двух недель. Немного спустя Крачковский приступал с ними к чтению Арабской хрестоматии для первого курса Гиргаса и Розена.

¹⁴ 154 листа по рукописи 1857 г., т. е 308 стр. (ср.: <https://www.loc.gov/item/2021667209>).

идентичных [17]) явлений (*масдары* и *идафы* (*изафета*) и т.д.). Арабская грамматическая терминология русскому читателю была незнакома. Поэтому Сенковский вместо арабской грамматической традиции смело использовал европейскую (греко-латинскую) грамматическую традицию, лежавшую в основе преподавания родного и всех иностранных языков в Российской Империи, а также русскую грамматическую терминологию. Прецеденты на тот момент уже имелись. Во-первых, как говорилось выше, сам Сенковский использовал для преподавания европеизированную грамматику арабского языка Фархата. Во-вторых, нечто похожее было написано и применительно к языку Османов. Речь идет о практической грамматике турецко-османского языка, составленной по-французски аббатом М. Вигье (1745–1821), который в 1783–1801 гг. был Апостольским Префектом в Стамбуле [1, с. 227]. На русском языке также имелось переводное пособие – грамматика турецко-османского языка Гольдерманна [18]. Напечатанная в 1772 г. [19, с. 51], к 1829 г. она, впрочем, устарела и в отношении композиции, формата и – тем более – словаря не могла соответствовать целям и задачам военного лингвистического пособия.

«Запутанную» грамматику Вигье Сенковский переработал и приноровил к образовательному уровню своего русского читателя. Адаптация была проведена сразу по нескольким направлениям: графика, фонетика, морфология, а также «словопроизводство» и «словосочинение» (под последними терминами Сенковский понимал продуктивные суффиксы и некоторые аспекты турецко-османского синтаксиса).

4.1.3. Графика

Элементарного знакомства с арабской графикой в начале XIX в., даже среди большинства образованных русских людей, ожидать было нельзя. Больше того, использование букв арабского алфавита для записи звуков турецкой речи специалисты в XIX в. (П. Мелиоранский) считали «чуть ли не самым неудобным» [16, II]. Очевидно, хорошо осознавая это, Сенковский полностью исключил арабскую графику и транслитерировал турецкие слова средствами русской азбуки.

4.3.2. Фонетика

Попытка передать звучание языка средствами не применявшейся для этого ранее азбуки, особенно, учитывая практические цели пособия, вела к неизбежной адаптации этой азбуки путем включения дополнительных знаков или использования непривычных буквенных комбинаций [20]. Сенковский отказался от использования буквенных комбинаций. Он писал: *«Все почти звуки Турецкого языка весьма удобно выражаются Русскими буквами: но как в нашем алфавите нет знаков для выражения Немецкого h и Французского и или Немецкого й, то мы вынуждены бы были вместо первого употреблять букву h, а вместо второго букву й»*. С целью добиться максимальной точности в передаче турецких звуков он смешал русский и латинский алфавиты и включил в русскую транскрипцию буквы *h* и *ï*. Надо отметить, что умляуты были век спустя использованы при переводе османского арабского шрифта на латиницу.

В транскрипции Сенковского турецко-османский текст стал выглядеть следующим образом: *Rahatъ-ÿzre, ahbabımyzъ-лянь, валидимизъ, казандыгыны ѳорузъ* = *rahat üzre, ahbabımızlan validimiz kazandığını yeioruz*¹⁵ [3, с. 71]. Вот другой пример изменения звучания گ при транскрипции русской азбукой. Фразу, записанную в нынешней турецкой транслитерации как *Eğer alçak gönüllü muti olursanız Urus size dost olur kardaş olur*¹⁶ Сенковский протранскрибировал как *Эъръ алчакъ-гьонюлю, мути олурсанызъ, Урусъ сизе достъ олуръ, кардашъ олуръ* = [18]. Здесь, как видим, گ (اگر) (*eğer*) в интервокальной позиции очень точно передано не транслитерацией – через «г», но транскрипцией через «Ъ»¹⁷.

Разработанная Сенковским система транскрипции оказалась исключительно точной, на что обратил внимание уже его ученик В. В. Григорьев (1816–1881) [1, с. 226–227]. Одновременно с точной транскрипцией, Сенковский представил своим читателям кратко и исчерпывающе сформулированные правила турецко-османской фонетики, в частности, сингармонизма – закона гармонии гласных и согласных. Исползованная им в данном случае грамматика уже упомянутого аббата Вигье была «образцово сокращена» (В. В. Григорьев) [1, 227].

4.1.4. Морфология

Своей грамматикой Сенковский не только компактно описал турецко-османский язык в системе европейской грамматической традиции, но и добавил «русифицировал» последнюю. Так, он ввел для описания явлений турецко-османского языка категорию «деепричастия», т. е. отглагольного наречия¹⁸. Эта категория, помимо русского языка, присутствует также в польском и литовском, которыми Сенковский, кстати, великолепно владел. В частности, описывая «прилагательное деепричастие прошедшего времени» [3, ч. 2, с. 44], он оставляет интересный комментарий: «*Употребление сего деепричастия довольно затруднительно для Европейцев, потому, что ни на одном из западных языков нет возможности изъяснить с точностью его значение. По-русски, во многих случаях, можно довольно близко перевести оное через средний род причастия прошедшего времени страдательных или средних глаголов, напр. эттикъ, сделанное (что-нибудь), гьёрдюкъ, виденное*

¹⁵ Перевод: «*Мирно с друзьями проживаю то, что отец мой заработал*».

¹⁶ Перевод: «*Если будете вести себя скромно и оказывать надлежащее послушание, то в русских найдете искренних друзей своих*». (Дословный перевод: «*Если низкие духом повинующиеся будете, Русский вам приятель будет, брат будет*»).

¹⁷ Буква ъ, употребляемая Сенковским в транскрипции турецко-османских слов в «*Карманной книге*» появилась только во втором издании 1854 г., в первом вместо нее стоял дифтонг *ie* [21, с. 27]. Замена говорит о том, что Сенковский пересматривал первое издание, готовя к публикации второе. Действительно, только хороший филолог мог так удачно и точно подобрать ъ в качестве эквивалента к интервокальному گ. Буква ъ в некоторых диалектах русского языка, хотя и звучала [e] подобно, но тем не менее все-таки отлично от [e].

¹⁸ В современных русских грамматиках турецкого языка эту форму на -Dlk относят к категории причастий. [22, с. 265].

(что-нибудь)... Деепричастие *sie* никогда не употребляется без местоимений: *мой, твой, свой, ваш...*».

В соответствии с европейской традицией Сенковский ввел следующие категории: имена существительное, прилагательное, числительное, местоимение, их изменения, т. е. склонение, глагол, причастие, деепричастие, союзы, наречия, предлоги – и описал их в традициях европейских грамматик¹⁹.

В отличие от пространного и путаного арабского описания турецкого глагольного словоизменения [16, LIV–LXXV], Сенковский представил по-русски написанное описание – краткое и элегантное. Он привел парадигмы спряжений, в первую очередь, «существительного глагола» *быть*, о котором было специально отмечено, что в турецком языке он не имеет неопределенного наклонения и многих времен. Спряжение этого глагола сведено к четырем временам, одному причастию и двум деепричастиям. Сенковский выделяет настоящее, прошедшее, давнопрошедшее и «условное» времена. «Изучив хорошо вышеприведенные четыре времени, – пишет он далее, – можно хорошо спрягать все турецкие глаголы, ибо спряжения оных состоят единственно в присоединении сих четырех времен слова *быть* к разным причастиям глаголов или к повелительному их наклонению. Сии времена глагола *быть* прибавляются к другим глаголам и разным словам в виде простых окончаний, и потому в произношении оных должно везде соблюдать правило созвучия гласных букв. – Напр. Я (*есмь*) солдат, *бень сеферли-имъ*; я *есмь* старик *бень ходжа-ымъ*». [3, ч. 2, с. 27].

Далее Сенковский замечает, что «глаголы турецкие чрезвычайно обильны временами; но как большая часть сих времен редко употребляется, то, чтобы не **обременять памяти** (выделено мною. – Н. С.) излишними грамматическими подробностями, мы приведем здесь только те, кои необходимо и должны (*sic!* – Н. С.) для обыкновенного и ограниченного разговора». [3, ч. 2, с. 29] В качестве иллюстрации он предлагает глагол *олмак* («существовать», «быть», «сделаться», «стать»²⁰) в его положительной и отрицательной формах, так как научившись спрягать его, можно спрягать и все прочие глаголы. Выделенные времена и наклонения, снабженные русским переводом, суть: 1. Неопределенное наклонение (*олмак* / «*быть, сделаться*»), имя действия (*олма* / «*бытие*»), наклонение повелительное (*оль* «*будь*»); 2. Причастия (неспрягательные) настоящего времени (*оланъ* / «*делающийся*»), прошедшего времени (*олмушъ* / «*бывший*»), будущего времени (*оладжакъ* / «*имеющий быть*»); 3. Причастия (спрягательные) настоящего времени (*олуюръ* / «*делающийся*»), неопределенного или настоящего-будущего времени (*олуръ* / «*могу-*

¹⁹ Вот пример того, как средневековый арабский филолог описывает то, что европейские грамматики, применительно к турецкому языку определяют как дательный падеж. Он использует понятие *حروف الغاية* т.е. «частиц предельности» и находит соответствующие эквиваленты в турецком [16, с. 018, /14]:
الاداء الحرفية فمنها
حروف الغاية اعلم انهم

يستعملون ما هو بمعنى حتى او بمعنى الى الغايتين تا وكافا ويا هكذي مثله فلان مشى حتى العراق فلان عراق قا
(Способы определения при помощи частиц. К ним относятся частицы предельности. Да будет ведомо, что [турки] используют в значении «до» (حتى) или «до предела» (الى) [буквы] «га», «кяф» или «йа» следующим образом: «Некто идет в Ирак» «Фулан Ирак-ка [таки бармиш]).

²⁰ Ср.: сходные замечания о глаголе *эмекъ* [3, ч. 2, с. 48].

ций быть»), прошедшего времени (олмушъ / «бывший»), будущего времени (оладжакъ / «имеющий сделаться»); 4. Наклонение изъявительное: Настоящее время (олуюрумъ / «есмь»), неопределенное или настоящее-будущее время (олурумъ / «есмь» или «буду»), прошедшее несовершенное (олурдумъ / «я делался»), прошедшее совершенное (олдумъ, олмушумъ / «я сделался»), давнопрошедшее (олмуштумъ / «я сделался было», «я был было»), будущее определенное (оладжыгъмъ / «сделаюсь»), условное (олурсамъ / «если б я был»), неизбежное (олсамъ-гырекъ / «мне непременно нужно, должно быть»), сослагательное-настоящее (олаиымъ / «чтоб мне быть»), сослагательное-прошедшее (олаиыдымъ «когда б я был»). Деепричастия существительные настоящего времени (оларакъ «будучи»), прошедшего времени (олдукта / «быв, сделавшись»), будущего времени (олунджа «доколе будет делаться»), деепричастия прилагательные прошедшего времени (олдукъ «бывшее, сделавшее [что-нибудь]») [3, ч. 2, с. 29–44].

Последние параграфы посвящены «словопроизводству», т. е. морфологии, которая включала в себя обзор продуктивных суффиксов и «словосочинению», под которым Сенковский понимал синтаксис²¹. На последний Сенковский обращает особое внимание и всякий раз снабжает турецкий порядок слов в примечании, если он отличается от русского. Образец подстрочника в качестве иллюстрации он разбирает на нижеследующих примерах:

Русский текст: «Слуга Черного-Мустафы, который отправился вчера в лодке в город с меньшим своим братом, не принес еще ответного письма от Махмуда-Бей, того, который имеет прекрасный дом на большой улице, у мосту».

Русский подстрочник: «Вчера, своим меньшим братом-с, лодке-в (по-турецки: одною лодкою-с), городу отправился-который (или отправившийся) Черного-Мустафы слуга (по-турецки: Черного-Мустафы слуга-его), господину-своему, большой улице-на, мосту-у, прекрасный (один) дом-свой имеющего Махмуда-Бей-от, ожидаемого ответного письма (по-турецки: ожидание-находящегося ответ письма-его) еще не принес (по-турецки принес-не)».

Турецкий оригинал: Дюнки-гюнъ, кънди кючюкъ кардашыбирле, биръ каиыгъ-лянь шеһире гитмишь Кара-Мустафаныъ хызметкъары, агасына, бююкъ сокакта, къёрю-янында, гюзель биръ эви вар-оланъ Махмудъ-Бей-тарафынданъ, интизаръ-олунанъ джевабъ мектубуну даһа гьтир-меди. [3, ч. 2, с. 88–89].

Отдельно следует сказать о ритмическом рисунке турецких примеров «Карманной книги». Как следует из рекомендаций Сенковского, турецкий текст надо было заучивать наизусть. Традиционно заучивание текста наизусть на Востоке часто предполагало включение его в ритмическую структуру. Так, например, Ибн Сина составил размером *раджаз* сокращение своего медицинского труда: *Урджуза фи-т-Тибб*. Как видно из письма Сенковского акад. Хр. Д. Френу от мая 1841 г., его также живо интересовали проблемы восточной ритмики и просодики. Так, он оставил очень интересное свое наблюдение над тем, какие тексты возможно декламировать, а какие нет. Он привел пример написанного им арабского

²¹ Сюда входит также несогласованное определение, т. е. турецкий «*изафет*» [3, ч. 2, с. 86]. Ср. употребление той же грамматической терминологии В. Гиргасом [12, с. 51].

стихотворения, которое настоящий арабский поэт не счел поэзией, так как оно не имело «мелодии» (انشاد) и поэтому «не годилось для декламации»: لا يتشدد. Возможность декламации, как выяснил Сенковский, зависит от скрытой «мелодии», «гамму», которой задавал «человеческий голос». В этой «гамме» самая низкая нота звучала как «у», а самая высокая как «и» [23, с. 249–250].

Конечно, прозаический текст турецких «разговоров», содержащихся в «Карманной книге» не мог быть втиснут в Прокрустово ложе поэтического метра. Тем не менее анализ «гаммы» турецкого текста (у-ы-а-я-э-е-и) позволяет почувствовать время-от времени повторяющийся прозаический метр фразы²², который, как видится, мог нести дополнительную дидактическую нагрузку: облегчал заучивание русским турецких фраз (см. Табл. 1).

Таблица 1. «Карманная Книга» Сенковского. Ритм и мелодия турецких предложений

Table 1. The “Pocket book” by Senkowsky. Rhythm and melody of the Turkish sentences

Русский	Русский подстрочник	Турецкий	Мелодия/ритм
Кто захочет говорить, выходи вперед	Сказать-имеющееся-свое имеющий пусть-выйдет, пусть придет	Деъджеи варь-оланъ ортаданъ чыксыкъ гъльсинъ	<u>е-ъ-е-і-а-о-а о-а-а</u> <u>ы-ы-ъ-и</u>
Где ваши старшины?		ханья кягъяларыныз	<u>а-ы-я-я-а-ы-ы</u>
Пришлите деревенских старост к нам		къей-башыкы бизе йоллаинъ	<u>ей-а-ы-ы и-е оаи</u>
Ну! Не стойте в куче! Разойдитесь все по домам	Каждый собственному жилищу-его пусть-пойдет, пусть-сидит	хайде-ындыкъ! Биръ бёлюкте дурмаинъ! һеръ бири кънди кошагына гитсинъ, отурсунъ	<u>ай-е-ы-ы и ё-ю-е</u> <u>у-а-и е и-и-ъ-и</u> <u>о-а-ы-а и-и о-у-у</u>
Дайте нам сена, соломы, молока, масла, баранов, ягнят, чего-нибудь съестного		Отлугу, саманы, сюдю, ягы бизе гъширинъ! Коюнь кузу! Биръ шей-ъмекъ бизе һазырлаинъ	<u>о-у-у а-а-ы ю-ю</u> <u>я-ы и-е-ъ-и-и о-ю</u> <u>у-у и ей-ъ-е и-е</u> <u>а-ы-а-ы</u>

4.2 «Разговорник» Биязи

По счастливому стечению обстоятельств из первоисточника мне доподлинно известно, как учили немецкий язык по разговорнику Н. Н. Биязи советские военнослужащие в 40-х гг. прошлого столетия. Воспоминаниями об это в свое время поделился со мною мой отец, участник Великой

²² Ср. анализ византийской ритмической прозы: [24].

Отечественной Войны, а потом – физик-ядерщик, Лауреат Сталинской премии И. Н. Сериков (1925–2002). В 1941 г. он вместе с другими учащимися 5-й Московской артиллерийской спецшколы по приказу Начальника артиллерии РККА, Н. Н. Воронова (1899–1968)²³ был эвакуирован в г. Ишим. В эвакуации продолжались занятия, и учащиеся, готовясь к ежедневному уроку немецкого языка, должны были заучивать наизусть несколько страниц разговорника. Далее следовали рекомендациям, содержащимся в Предисловии: «Проверьте правильность своего произношения. Попросите товарища, знающего немецкий язык, проверить вас. Чаще упражняйтесь в произнесении трудных звуков. Изучая разговорник, читайте слова и фразы вслух» [25, с. 7]. Выученное требовалось регулярно «сдавать» вразбивку. Правильность произношения, в соответствии с рекомендациями Н. Н. Биязи, проверяли преподаватели, а также учащиеся, хорошо говорившие по-немецки. И. Н. Сериков, с детства в совершенстве владевший немецким и еще несколькими европейскими языками в совершенстве²⁴ нередко получал назначение быть одним из таких «проверяющих».

О том, что разговорник Биязи дидактически был весьма эффективным, свидетельствует следующее. Зимой 1941–1942 гг., по рассказам отца, в эвакуации, в г. Ишиме, было очень голодно и холодно. Тем не менее классные и полевые занятия по подготовке будущих офицеров и учебные стрельбы шли по расписанию. Несмотря на голод и напряжение сил, курсанты должны были выучивать наизусть в день около четырех страниц разговорника. В результате за 23 дня они знали наизусть все 99 страниц. При «зазубривании» слов обязательно использовалась жестикуляция, как вспомогательный элемент, восполняющий недостаточное владение языком. Зная лексику «Разговорника» Биязи, при дополнительной подготовке через месяц с небольшим учащиеся уже могли изъясняться на немецком языке и даже поддерживать несложную беседу на различные темы. По воспоминаниям моего отца, курсанты, приступившие к изучению немецкого после начала войны, язык этот ненавидели. Разговорник Биязи помогал учащимся преодо-

²³ Здесь хотелось бы повторить слова благодарности, которые я не раз слышал от отца, равно как и от его товарищей по Пятой спецшколе, в адрес Н. Н. Воронова. В октябре 1941 г. начальство высказывало осторожные соображения насчет отправки учащихся артиллерийских спецшкол на фронт, под Москву. Начальник артиллерии 14 октября 1941 г. пресек это и распорядился немедленно эвакуировать детей (будущих офицеров РККА) из Москвы в Сибирь и тем спас им жизнь.

²⁴ Первыми педагогами по иностранным языкам для И. Н. Серикова стали его мать О. М. Серикова-Алабина (1893–1994) и две родные тети по отцу – М. А. Серикова (1881–1973) и Е. А. Серикова (1886–1971). Сестер Сериковых в семейном кругу уважительно именовали «кавалерственными дамами» за то, что их, учителей с многолетним стажем, советское правительство наградило орденом Ленина. Они принадлежали к хорошо известному серпуховскому купеческому роду [26, с. 58–59], потерявшему в революционное лихолетье практически все свое состояние. Чудом сохранившаяся малая часть имущества расходовалась ими в том числе на оплату частных уроков для их брата и племянника, обучавшимся немецкому, французскому, английскому языкам и математике.

леть ненависть и насладиться красотой и логикой языка. Как результат, многие курсанты очень хорошо говорили по-немецки²⁵.

Какими же методами достигалась эта эффективность? Анализ композиции и словаря разговорника свидетельствует о том, что Биязи свел материал до минимума, «выкинув» все второстепенное, и сосредоточил свое внимание на главных аспектах фонетики, морфологии и синтаксиса.

4.2.1 Графика

«Разговорник» составлен на кириллице, что вполне понятно, учитывая, что пособие писалось для тех, кто вовсе не владел немецким. Помещенные параллельно те же самые выражения, набранные латиницей, несли вспомогательную нагрузку: в крайнем случае, их можно было показать пленному при допросе. Подобно Сенковскому, Биязи также ввел дополнительные знаки для отображения звуков, отсутствующих в русском языке.

4.2.2. Фонетика

Краткое изложение звучания немецких звуков, в частности – обозначаемых на письме умлаутом (буквы с точками, которые описывают изменение артикуляции и тембра гласных: ä, ö, ü), было доходчиво изложено на первых трех страницах разговорника. Здесь примечательны практические советы: как произносить звуки, отсутствующие в русском. Где было можно, приводились соответствия из украинского языка, а там, где таковых не было, описывались необходимые движения губ: «*й – звук, который мы получим, если будем произносить «и-и-и-и» вытягивая при этом вперед губы узкой трубочкой (например, йбр, фйф, фййр)*» [25, с. 5].

4.2.3 Морфология

Парадигма склонений имен в «Разговорнике» не приводится вообще. Парадигма спряжений немецкого глагола как таковая также отсутствует. Из текста «Разговорника» следует, что все спряжение немецкого глагола Биязи свел по преимуществу до третьего лица единственного и множественного чисел настоящего времени («*Ви комт ман цум флус?*» “*Wie kommt man zum*

²⁵ Интересная деталь содержится в воспоминаниях школьного товарища моего отца, В. С. Сафрончука, (1925–2004), впоследствии заместителя Генерального секретаря ООН: «*С помощью моего школьного товарища Славы С., – писал В. С. Сафрончук, – слушателя ВИАКа я две недели вечером, после работы, освежал по самоучителю знания английского и где-то в середине августа отправился на экзамены [в МГИМО]. На них я с треском провалился и получил «двойку». Принимавшая экзамен у меня преподавательница даже спросила меня, на каком языке я с нею разговаривал, до того невразумительным был мой английский. Потеряв всякую надежду поступить в МГИМО, я решил пока не поздно податься в МВТУ. Однако меня все же вызвали на приемную комиссию МГИМО. За столом комиссии сидели высокие мидовские чины и руководство Института. Председатель комиссии, начальник отдела кадров МИД, Струнников П. Ф. внимательно прочитал мое личное дело и спросил: «У Вас в выпускном школьном аттестате по немецкому языку стоит оценка «отлично». Почему Вы сдавали английский?» Я ответил, что немецкий язык я не люблю, что до спецшколы я учил английский язык (выделено мной – Н. С.) и думал, что знаю этот язык. «Вот авантюрист, – сказал Струнников, обращаясь к членам комиссии. – Впрочем, нам такие нужны. Предлагаю принять его в Институт» [27].*

Fluss"? Где спуск к реке? [25, с. 50] – «Комн да ластваген дурьх?» Пройдут ли по ним грузовые машины? “Kommen da Lastwagen durch?” [25, с. 63]] и второго и третьего лица повелительного наклонения («Хальм!» Halt! “Стой!”, «Вафн хинлеген!» “Waffen hinlegen!” «Бросай оружие!» [25, с. 7]).

4.2.4. Синтаксис

Как такового, описания синтаксиса в «Разговорнике» нет, но синтаксические обороты и конструкции представлены несколькими типами примеров. «Разговорник» содержит множество имен существительных, которые позволяли строить простые, но информативные назывные предложения, состоящие из одного слова. Там, где того требовали обстоятельства (например, утвердительные предложения) курсанты учили соответствующие жесты²⁶. Это было, пожалуй, то новое, что отличало «Разговорник» Биязи от «Карманной книги» Сенковского. В основе глагольных предложений лежал принцип повторяемости. Достаточно было выучить один из глаголов и сопутствующие ему блоки, чтобы, используя другие слова, содержащиеся в разговорнике, сразу начать самостоятельно строить новые предложения. Так, например, блок gehen «уходить» содержит следующие компоненты: «Гээн зи фор мир!» (“Gehen Sie vor mir!” – идите впереди меня), «Гээн зи иим форан» (“Gehen Sie ihm voran!” – идите впереди него), «Рашер гээн» (“Rascher gehen!” – идите быстрее), «Ланкзамэр гээн!» (“Langsamer gehen” – идите медленнее) [25, с. 12]. Их можно было сочетать с другими словами и самостоятельно строить фразы, например, «Вохин гээн зи!» (“Wohin gehen Sie?” Куда Вы уходите?) и т. п.

Предложения, включающие условную клаузулу в «Разговорнике» Биязи, как правило, не вводятся условным союзом «если», так как он требовал после себя глагола, а это усложняло процесс заучивания. Взамен используется вариант с предлогом «при» (bei): «Бай флuchtферзух вирт гэшосн!» (“Bei Fluchtversuch wird geschossen!” Если побежите, я буду стрелять!) [25, с. 12].

Бросается в глаза, что многие примеры, приведенные в разговорниках как Биязи, так и Сенковского имеют сходные мелодические и ритмические структуры, которые было легко повторить, а значит и запомнить лежащиеся на них выражения.

Таблица 2. «Разговорник» Биязи. Ритм и мелодия немецких предложений²⁷

Tabl. 2. The “Phrase-book” by Biasi. Rhythm and melody of the German sentences.

Русский	Русская транскрипция	Немецкий оригинал	Мелодия/ритм
Сколько легких гаубиц?	Виифииль лайхтэ Хаубицн?	Wieviel leichte Haubitzen?	и-и ай-э а-у-и
Сколько тяжелых гаубиц?	Виифииль швэрэ Хаубицн?	Wieviel schwere Haubitzen?	и-и э-э а-у-и
Сколько тяжелых орудий?	Виифииль швэрэ Гешйцэ?	Wieviel schwere Geschütze?	и-и э-э е-й-э

²⁶ Русские жесты не всегда совпадают с немецкими. Так, считая на пальцах, русский загибает пальцы, а немец, наоборот, отгибает другой рукой. Русский начинает считать с мизинца, а немец с большого пальца.

²⁷ Примеры взяты из: [25, с. 45].

Представляется, что расположение слов и выражений «Разговорника» по ритмико-музыкальным образцам – явление неслучайное. Музыкант и оперный певец, Н. Н. Биязи не мог не знать, насколько хорошо ритм помогает исполнителю выучить текст часто на совсем незнакомом языке и, по-видимому, сознательно использовал этот прием в своем дидактическом пособии.

5. Вместо заключения

Как видим, ценность разговорников Сенковского и Биязи при всем их различии состояла не столько в том, что пользователи могли подыскивать нужное выражение или слово, сколько в заложенных в них дидактических механизмах, позволявшим самым разнообразным людям с самыми разнообразными способностями и талантами, а часто и вовсе без таковых, освоить хотя бы в общих чертах турецко-османский и немецкий языки за достаточно короткое время и в неблагоприятных условиях. Будучи конгениальными, оба автора использовали общие дидактические приемы. К таковым относятся: создание на базе русской азбуки простой и точной фонетической транскрипции иностранных языков; минимальный объем лексики; обязательной для изучения, отсутствие грамматики или сведение ее до базового уровня, организация материала, где это возможно, в форме ритмических блоков (см. Таблицы). Сознательно или несознательно, но эти особенности обоих пособий были по достоинству оценены современниками и потомками, составившими впоследствии по их образцу другие военные разговорники.

5.1. Разговорники, составленные по образцу «Карманной книги» Сенковского

«Карманная книга» Сенковского была переиздана с незначительными изменениями [21, с. 27] во время Крымской войны 1853–1856 гг. По ее образцу и под тем же названием тогда же была напечатана серия, включавшая русско-греческие и русско-болгарские «разговоры» [28; 29]. Их авторы – выдающиеся общественные деятели и филологи своего времени, Д. Х. Гумалик²⁸ и С. В. Филаретов²⁹. В выборе примеров, последовательности фраз, иных структурных компонентов, а также в методике составления русско-греческого и русско-новоболгарского словарей и кратких грамматических очерков они точно следовали образцу Сенковского. Разница заключалась лишь в том, что в обоих разговорниках были помещены дополнительные «беседы» с православными священниками – греческим и болгарским³⁰.

²⁸ Дмитрий Христофорович Гумалик. Получил образование в Халкидонской семинарии в Константинополе, затем был адъюнктом греческой словесности Главного педагогического института в Санкт-Петербурге, а в 1860-е гг. – чиновником особых поручений по делам книгопечатания при министре внутренних дел. Среди его учеников: гр. А. С. Норов (1795–1869) и А. О. Смирнова-Россет (1809–1882) [21, с. 28; 30, с. 211].

²⁹ Савва Влкович Филаретов (1825–1863) – болгарский просветитель, русский дипломат. Умер в Каире. Во время составления разговорника учился в Московском университете [21, с. 28].

³⁰ Разговор с сельским священником [28, с. 55–60], разговор с архиереем [28, с. 61–64], разговор русского воина с болгарским священником [29, с. 52–57].

Сравнение между собой трех разговорников показывает, что Д. Х. Гумалик и С. В. Филаретов не просто переложили разговорник Сенковского на новогреческий и болгарский языки, но также, что очень важно, сохранили дух оригинала. Пособия были ориентированы на практическое применение. Поэтому в них нашла отражение диглоссия, т. е. сосуществование литературного и разговорного греческого и болгарского языков.

Литературный греческий, основанный на новозаветном *койнэ*, понимался по преимуществу образованные слои населения. Простонародье разговаривало (и разговаривает) на *димотике*, содержащей, в частности, большое количество тюркизмов. Равно, как и в «Карманной книге» Сенковского, военная лексика в «Карманной книге» Гумалика занимает всего около 1,5% от общего количества слов. Подобно Сенковскому, Гумалик ориентировался на определенного адресата – русского офицера. Впрочем, в этом случае у него было большее, нежели у Сенковского, подспорье. В отличие от турецко-османского языка, древний греческий язык был не чужд образованным русским. За плечами у многих офицеров имелся курс русской классической гимназии, где в обязательном порядке преподавали классический греческий, а также латынь и церковнославянский. Именно с опорой на классический (древний) греческий составлена приложенная к греческой «Карманной книге» «краткая грамматика греческого простонародного языка». В ней автор уделил внимание в основном тем особенностям разговорного греческого, которые отличали его от литературного, классического. Среди них – упрощенное склонение³¹ существительных, отсутствие инфинитивов и замена их «неокончательным», т. е. зависимым наклонением [28, с. 44], система ударений и итацизм³². Впрочем, для людей, незнакомых с классическим греческим, такая грамматика оказывалась бесполезной.

Особое место занимают страноведческие экскурсы, позволявшие русскому читателю понять некоторые стороны жизни восточных христиан в мусульманских землях. Вот пример из разговора с сельским греческим священником. Приведем его здесь в подробно. «*Р. (русский) – Благословите, отче святой! С. (священник) – Будь благословен, сын мой! Р. Не можете ли вы сказать мне, батюшка, где здесь деревенская ваша церковь? С. Церковь наша, сын мой, тот домик, который ты видишь там вдали, близ пашни. Р. Как? Тот низенький домик, крытый соломой? С. Да! Р. А я думал, что это какая-нибудь хижина. Отчего же нет на ней креста, чтобы можно было различить, что это церковь? С. Эх, сын мой, да разве мы можем это сделать? Ведь Турки потом не только крест снимут, но и все здание разрушат. Мы нарочно строим наши церкви не на видном месте, среди деревни, а где-нибудь на краю, чтобы они были как можно менее заметными издали³³*». Эта реплика сопровождается выразительным комментарием: «*Всякий, кто только ездил по провинциям*

³¹ Гумалик пишет, что в разговорном греческом почти нет имен третьего склонения, не вдаваясь в подробности. Отсюда следует, что адресат должен был иметь достаточное представление об изменении древнегреческих имен третьего склонения, которые составляют в классическом (древнем) греческом специальную группу [28, с. 83].

³² Чтение *ι η υ* и дифтонгов *οι ει υι* как [и].

³³ Этот диалог дословно повторен и в болгарском разговорнике: [29, с. 52–57].

в Турции, знает, до какой степени верны эти слова. Не раз случалось, что Турецкие войска, проходя через какое-нибудь христианское селение, прежде всего нападали на церковь, грабили все, что только казалось им ценным, а иногда разрушали и самое здание. Вот отчего православные храмы в селениях обыкновенно не различаются от простых домов, строятся где-нибудь на краю деревни между овинами, а иногда – даже вдали от деревни, в лесу» [28, с. 55–56].

Как и в случае «Карманной книги» Сенковского и Гумалика, имевших целью научить читателя объясняться по-турецки и по-гречески, Филаретов также сосредоточился именно на разговорном болгарском языке. Как и в случае с греческим, в XIX в. существовала болгарская диглоссия: до XIX в. новоболгарский оставался почти исключительно разговорным языком; официальное письменное общение велось на церковно-славянском. Хотя болгарские «разговоры» Филаретова были построены с опорой на русский язык, к которому автор апеллировал всякий раз, когда хотел показать сходство или расхождение между новоболгарским и русским [29, 3–4, с. 121, 129 и т. д.], но одного русского «субстрата» было недостаточно. Разговорный болгарский и современный ему русский различались в произношении. Помимо разного ударения, в болгарском сохранились звуки *д*я, например, *еров* [ъ] и исчезнувших в русском *юсов* – большого и малого (Ж, А). Поэтому Филаретов проставил значки (акценты) над некоторыми гласными. Эти акценты требовали читать буквы *а*, *я*, *ы*, *и*, *ь* иначе, чем их прочитал бы русский. Использовать современную болгарскую орфографию Филаретов не мог: к тому времени она еще оставалась несистематизированной. Там же, где между разговорным русским и новоболгарским существовало значительное различие в морфологии (сюда относится, например, спряжение глаголов), на помощь приходил церковнославянский язык, так или иначе знакомый всем русским по богослужебным текстам. Так, парадигма спряжения новоболгарского глагола в «несовершенном прошедшем» времени (Ед.: 1. *Думахъ*, 2. *Думаше*, 3. *Думаше*; Мн. 1. *Думахме*, 2. *Думахте*, 3. *Думаха*) прекрасно соотносилась с парадигмой спряжения имперфекта того же глагола в церковнославянском [31, с. 51].

5.2. Разговорники, составленные по образцу «Разговорника» Биязи

В отличие от «Карманной книги» Сенковского, «Разговорник» Биязи строился в расчете на то, чтобы им могли воспользоваться люди, совсем не знающие немецкого. По его образцу в 1940–1941 гг. появились краткие военные разговорники других языков, в частности эстонского [32], финского [33], румынского [34], китайского [35] и венгерского [36]. Как и «Разговорник» Биязи, они были отредактированы А. В. Любарским. Все эти разговорники объединяет методический принцип, сформулированный, например, в предисловии к русско-эстонскому военному разговорнику: «Рассчитанный на полное незнание языка, «Разговорник» построен по системе ответов, выраженных лишь одним словом или жестом, т. е. по той системе, которая только и способна обеспечить действительную возможность разговора (понимание ответов спрашиваемого) [32, с. 1]».

Советская система, лежащая в основе военных разговорников, в 1940-х гг., как видим, в лучшую сторону отличалась от той, что лежала в основе евро-

пейских разговорников, в частности, немецких. Так, выпущенный в свет в 1941 г. берлинским издательством Mittler und Sohn «солдатский словарь» содержал 3000 слов, поставленных в алфавитном порядке (немецком). По мнению автора, «поставленные без учета грамматических правил (выделено мною. – Н. С.) слова³⁴ достаточны почти всегда, чтобы объясниться [37, с. 1]. Зная, какое значение в русском языке имеет порядок слов, заявление анонимного немецкого составителя иначе как опрометчивым не назовешь».

Литература

1. Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1972. 359 с.
2. Kemmler R., Corvo Sánchez M. J. The importance of the 'method Gaspey-Otto-Sauer' amongst the earliest Portuguese textbooks of the German language. *Language & History*. 2020;63:120–138.
3. Сенковский О. И. *Карманная книга для русских воинов в Турецких походах*. Ч. 1, 2. СПб.: Тип. штаба отд. корпуса внутр. стражи, 1854. 97 с.+95 с.
4. Lehfeldt W. (Hrsg.) *Eine Sprachlehre von der Hohen Pforte*. Köln-Wien: Böhlau Verlag, 1989. IX, 376 S.
5. Сенковский О. И. *Воспоминания о Сирии*. URL: http://az.lib.ru/s/senkowskij_o_i/text_1834_vospominaniya_o_sirii.shtml (accessed 31.12.2021).
6. Крачковский И. Ю. Источник «Витязя буланого коня» и других восточных повестей Сенковского. В: Крачковский И. Ю. *Избранные сочинения*. Т. 1. М.–Л.: Академия наук СССР, 1955. С. 225–261.
7. Сараскина Л. И. *Федор Достоевский. Одоление демонов*. М.: Согласие, 1996. 462 с.
8. Сараскина Л. И. *Николай Спешнев. Несбывшаяся судьба*. М.: Наш дом – L'age d'Homme, 2000. 536 с.
9. Кошелев В., Новиков А. «...Закусившая удила насмешка...» (предисловие). В: Сенковский О. *Сочинения Барона Брамбеуса*. М.: Советская Россия, 1989. 497 с.
10. Лейкина-Свирская В. Р. Петрашевец Н. А. Спешнев в свете новых материалов. *История СССР*. 1978, 4:128–140.
11. Brockelmann C. *Geschichte der arabischen Literatur*. Supplement. Bd. 1. Leiden: Brill, 1937.
12. Гиргас В. *Очерк грамматической системы арабов*. СПб.: Императорская академия наук, 1873. 147+66 с.
13. Крымский А. Е. *История новоарабской литературы XIX – нач. XX в.* М.: Наука, 1971. 794 с.
14. Сериков Н. И. Маронитский писатель Гавриил Герман Фархат (1670–1732) и его попытки включения сочинений христианских арабских авторов в «виртуальный каталог» арабской мусульманской литературы. *Orientalistica*. 2020;3(1):143–159. DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-1-143-159.
15. Алпатов В. М. *История лингвистических учений. Учебное пособие*. М.: Языки славянской культуры, 2005. 368 с.

³⁴ “Der Krieg hat gezeigt, mit wie einfachen Mitteln sich der deutsche Soldat überall verständigen kann. Die richtigen Worte, ohne Rücksicht auf Grammatik nebeneinandergestellt, genügen fast immer” [37, S. 1].

16. Мелиоранский П. М. *Араб-филолог о турецком языке*. Арабский текст издал и снабдил переводом и введением П. М. Мелиоранский. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1900. V, LXXXIV, 122, 85, [3] с. – Араб. текст: обрат. паг.

17. Гаджиева Н. З. Природа изафета в тюркских языках. *Советская тюркология*. 1970, 2:18–26.

18. [Holdermann J. B. D.]. *Grammaire turque ou methode courte et facile pour apprendre la langue turque avec un recueil des noms, des verbes. Et des maniers de parler les plus necessaire a savoir, avec plusieurs dialogues familiers*. – [Гольдерманн Ж.Б.Д.] Турецкая грамматика, или краткий и легкий способ к обучению турецкого языка, с собранием имен, глаголов и нужнейших к сведению речей, також некоторых дружеских разговоров, переведенная с французского языка Императорского Московского Университета студентом Рейнгольдом Габлицлем. М.: при Императорском Университете, 1777. 585 с.

19. Вомперский В. П. *Словари XVIII века*. М.: Наука, 1986. 136 с.

20. Serikoff N. Mistakes and Defences. Foreign (Greek) Words in Arabic and their visual Recognition. In: Jokisch B., Rebstock U, Conrad L. (Eds). *Fremde, Feinde und Kurioses. Innen- und Außenansichten unseres muslimischen Nachbarn*. Berlin–New York: W. de Gruyter, 2009. S. 373–382.

21. Бак Х., Шаповал В. Русско-турецкий разговорник О. И. Сенковского 1828 и 1854 гг. как этнографический и культурологический источник. *Revista de etnologie și culturologie*. 2020;27:26–35. URL: http://ethnology.ich.md/wp-content/uploads/4.Bak_Habi_pdf (accessed 31.12.2021).

22. Щека Ю. В. *Интенсивный курс турецкого языка*. М.: Муравей, 2005. 733 с.

23. Русинова Э. С. Письма О. И. Сенковского первому директору Азиатского музея акад. Х. Д. Френу. *Письменные памятники Востока*. 2008;1(8):229–250.

24. Hörandner W. *Der Prosarhythmus in der rhetorischen Literatur der Byzantiner*. Wien: VÖAW, 1981. 182 S.

25. Биязи Н. Н. *Краткий русско-немецкий военный разговорник для бойца и младшего командира*. М.: Воениздат, 1941. 108 с.

26. Гарин Г. Ф., Савоскул С. С., Шилов В. В. *Серпухов*. М.: Московский рабочий, 1989. 302 с.

27. Сафрончук В. С. *Политика и дипломатия*. М.: ИТРК Язык: Русский Год; 2011. 540 с., ил. <https://vse-knigi.com/books/nauchnye-i-nauchno-populjarnye-knigi/politika/191288-vasilii-safronchuk-politika-i-diplomatiya.html>

28. Гумалик Д. Х. Карманная книга для русских воинов в походах по турецко-греческим землям. Греческие разговоры. Словарь. Грамматика. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1854. 65 с. + 110 с.

29. Филаретов С. В. *Карманная книга для русских воинов. 1. Разговоры Русско-Болгарские; 2. Словарь Русско-Болгарский; 3. Основные правила Ново-Болгарского языка*. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1854, 57 с.+161 с.

30. Смирнова-Россет А. О. *Дневники. Воспоминания*. М.: Наука, 1989. 811 с.

31. Плетнёва А. А., Кравецкий А. Г. *Церковно-славянский язык*. М.: Просвещение, 1996. 192 с.

32. *Краткий русско-эстонский военный разговорник*. М.: Воениздат, 1940. 108 с.

33. *Краткий русско-финский военный разговорник*. М.: Воениздат, 1941. 104 с.
34. *Краткий русско-румынский военный разговорник для бойца и младшего командира*. М.: Воениздат, 1941. 80 с.
35. *Краткий русско-китайский военный разговорник*. М.: Воениздат, 1940. 142 с.
36. *Краткий русско-венгерский военный разговорник*. М.: Воениздат, 1940. 88 с.
37. *Deutsch-Russisches Soldaten-Woerterbuch*. Berlin: Verlag v. E. S. Mittler und Sohn, 1941. 80 S.

Информация об авторе

Сериков Николай Игоревич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела памятников письменности народов Востока Института востоковедения РАН, член редакционной коллегии журнала «Ориенталистика», г. Москва, Россия, г. Лондон, Великобритания; <https://orcid.org/0000-0003-2760-6312>,
✉ nikolajserikoff@gmail.com

Author's Links

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 17 апреля 2022 г. Одобрена после рецензирования: 7 мая 2022 г. Принята к публикации: 7 мая 2022 г. Опубликовано: 29 июня 2022 г.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку eLIBRARY.RU. Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

References

1. Kononov A. N. *History of the study of Turkic languages in Russia. Pre-October period*. Moscow: Nauka, 1972. 359 p.
2. Kemmler R., Corvo Sánchez M. J. The importance of the 'method Gaspey-Otto-Sauer' amongst the earliest Portuguese textbooks of the German language. *Language & History*. 2020;63:120–138.

3. Senkovskii O. I. Pocket book for Russian soldiers in Turkish campaigns. Parts 1, 2. St. Petersburg: Tip. Shtaba ottd. korpusa vnutr. stragi; 1854. 97p. + 95 p. (In Russ.)
4. Lehfeldt W. (Hrsg.) *Eine Sprachlehre von der Hohen Pforte*. Köln–Wien: Böhlau Verlag, 1989. IX, 376 S.
5. Senkovskii O. I. *Memoires about Syria*. URL: http://az.lib.ru/s/senkowski_j_o_i/text_1834_vospominaniya_o_sirii.shtml (accessed 31.12.2021) (In Russ.)
6. Krachkovskii I. Yu. The source of “The Knight of the Buckskin Horse” and other oriental stories by Senkovsky. In: Krachkovskii I. Yu. *Collected Works*. Vol. 1 Moscow–Leningrad: Publishing House of the Soviet Academy of Sciences, 1955. P. 225–261. (In Russ.)
7. Saraskina L. I. *Fedor Dostoevsky. Overcoming demons*. Moscow: Soglasie, 1996. 462 p. (In Russ.)
8. Saraskina L. I. *Nikolai Speshnev. Unfulfilled fate*. Moscow: Nash dom – L’age d’Homme, 2000. 536 p. (In Russ.)
9. Koshelev V., Novikov A. “...A mockery biting the harness” (preface) // Senkovskii O. *Baron Brambeus. Collected Works*. Moscow: Sovetskaja Rossia, 1989. 497 p. (In Russ.)
10. Leikina-Svirskaja V. R. The Petrashevian N. A. Speshnev. New materials. *Istoria SSSR (The history of the USSR)*. 1978;4:128–140 (In Russ.)
11. Brockelmann C. *Geschichte der arabischen Literatur. Supplement*. Bd. 1. Leiden: Brill, 1937.
12. Krymskii A. E. *History of the Modern Arabic literature 19th – beginning of the 20th cent.* Moscow: Nauka, 1971. 794 p. (In Russ.)
13. Serikoff N. I. Maronite writer Jibri’il Jarmanus Farhat (1670–1732) and his attempts to include the works of Christian Arab authors in the “virtual catalogue” of Arabic Muslim literature. *Orientalistika*. 2020;3(1):143–159 (In Russ.)
14. Guirgas V. *Essay on the grammatical system of the Arabs*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publishers, 1873. 147+66 p. (In Russ.)
15. Alpatov V. M. *History of the linguistic teachings. A teaching manual*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul’tury, 2005. 368 p. (In Russ.)
16. Melioranskii P. M. *Arab philologist about the language of the Turks: The Arabic text published and supplied with a translation and introduction*. St. Peterburg: Published by the Imperial Academy of Sciences, 1900. V, LXXXIV, 122, 85, [3] p. – Arab. Text, reverse pag. (In Russ.)
17. Gadzhieva N. Z. The nature of izafet in the Turkic languages. *Sovetskaya Turkologija (Soviet Turkology)*. 1970;2:18–26. (In Russ.)
18. [Goldermann J. B. D.] *Grammaire turque ou methode courte at facile pour apprendre la langue turque avec un recueil des noms, des verbes. Et des maniers de parler les plus necessaire a savoir, avec plusieurs dialogues familiers*. – [Gol’dermann Zh. B. D.] *Turetskaia grammatika, ili kratkii i legkii sposob k obucheniiu turetskogo iazyka, s sobraniem imen, glagolov i nuzhneishikh k svedeniiu rechei, takozh nekotorykh družheskikh razgovorov, perevedennaia s frantsuzskogo iazyka Imperatorskogo Moskovskogo universiteta studentom Reingoldom Gablitslem*. Moscow: pri Imperatorskom Universitete, 1777. 585 p.
19. Vomperskii V. P. *The 18th cent. Dictionaries*. Moscow: Nauka; 1986. 136 p.
20. Serikoff N. Mistakes and Defences. Foreign (Greek) Words in Arabic and their visual Recognition. In: Jokisch B., Rebstock U, Conrad L. (Eds). *Fremde*,

Feinde und Kurioses. Innen- und Außenansichten unseres muslimischen Nachbarn. Berlin–New York: W. de Gruyter; 2009. S. 373–382. Serikoff N. Mistakes and Defences. Foreign (Greek) Words in Arabic and their visual Recognition // Jokisch B., Rebstock U, Conrad L. (Eds). *Fremde, Feinde und Kurioses. Innen- und Außenansichten unseres muslimischen Nachbarn*. Berlin–New York: W. de Gruyter, 2009. SS. 373–382.

21. Bak H., Shapoval V. Russian-Turkish phrase book by O. I. Senkovsky published in 1828 and 1854. as a historical source for the local ethnography and culture. *Revista de etnologie și culturologie*. 2020;27:26–35. URL: http://ethnology.ich.md/wp-content/uploads/4.Bak_Habi_.pdf (accessed 31.12.2021) (In Russ.)

22. Sheka Yu. V. *Intensive course of Turkish*. Moscow: Muravei, 2005. 733 p. (In Russ.)

23. Rusinova E. S. Letters from O. I. Senkovsky to the first Director of the Asiatic Museum Acad. Chr. Fraehn. *Pis'mennye pamiatniki narodov Vostoka (Written monuments of the peoples of the East)*. 2008;1(8):229–250 (In Russ.)

24. Hörandner W. *Der Prosarhythmus in der rhetorischen Literatur der Byzantiner*. Wien: VÖAW, 1981. 182 S.

25. Biiazi N. N. *The Concise Russian-German military phrasebook for a soldier and subaltern*. Moscow: Voenizdat, 1941. 108 p. (In Russ.)

26. Garin G. F., Savoskul S. S., Shilov V. V. *The City of Serpukhov*. Moscow: Moskovskii rabochii, 1989. 302 p. (In Russ.)

27. Safronchuk V. S. *Politics and Diplomacy*. Moscow: ITRK Iazyk: Russkii God, 2011. 540 p., il. <https://vse-knigi.com/books/nauchnye-i-nauchno-populjarnye-knigi/politika/191288-vasilii-safronchuk-politika-i-diplomatiya.html> (In Russ.)

28. Gumalik D. Chr. Pocket book for Russian soldiers on campaigns in the Turkish-Greek lands. Greek Conversatio – Vocabulary – Grammar. St. Petersburg: Published by the Imperial Academy of Sciences, 1854. 65 p.+110 p. (In Russ.)

29. Filaretov S. V. *Pocket book for Russian soldiers. 1. Russian-Bulgarian conversations; 2. Dictionary Russian-Bulgarian; 3. Basic rules of the New-Bulgarian language*. St Petersburg: Published by the Imperial Academy of Sciences 1854, 57 p.+161 p. (In Russ.)

30. Smirnova-Rosset A. O. *Diaries. Memories*. Moscow: Nauka, 1989. 811 p. (In Russ.)

31. Pletneva A. A., Kravetskii A. G. *The Church Slavonic language* Moscow: Prosveschenie, 1996. 192 p. (In Russ.)

32. *The Concise Russian-Estonian military phrasebook*. Moscow: Voenizdat, 1940. 108 p. (In Russ.)

33. *The Concise Russian-Finnish military phrasebook*. Moscow: Voenizdat, 1941. 104 p. (In Russ.)

34. *The Concise Russian-Romanian military phrasebook for a soldier and subaltern*. Moscow Voenizdat Publishers, 1941, 80 p. (In Russ.)

35. *The Concise Russian-Chinese military phrasebook*. Moscow: Voenizdat; 1940. 142 p. (In Russ.)

36. *The Concise Russian-Hungarian military phrasebook*. Moscow: Voenizdat, 1940. 88 p. (In Russ.)

37. *Deutsch-Russisches Soldaten-Woerterbuch*. Berlin: Verlag v. E. S. Mittler und Sohn, 1941. 80 S.

Information about the author

Nikolaj I. Serikoff – Ph. D. (Hist.), Senior research fellow, Institute of Oriental studies of the Russian Academy of Sciences, Member of the Editorial Board of the *Orientalistica*, Moscow, Russia, London, UK;
<https://orcid.org/0000-0003-2760-6312>,
✉ nikolajserikoff@gmail.com

Author's Links

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: April 17, 2022. Approved after peer reviewing: May 7, 2022.
Accepted for publication: May 7, 2022. Published: June 29, 2022

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU. The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.